

состоянія для солдата преимущественно въ убійствѣ, и, слѣдовательно, нарушать всѣ законы божескіе и человѣческіе, но только не свою вѣрность и службу тому, кто въ данный моментъ случайно находится въ обладаніи властью.

Такъ это сказано въ русскомъ военномъ уставѣ и точно то же, хотя и другими словами, сказано во всѣхъ военныхъ уставахъ, какъ оно и не можетъ быть иначе, потому что въ сущности на этомъ обманѣ освобожденія людей отъ повиновения Богу или своей совѣсти и замѣнѣ этого повиновенія повиновеніемъ случайному начальнику основано все могущество войска и государства.

Такъ вотъ на чемъ основывается та странная увѣренность низшихъ сословій въ томъ, что существующій губительный для нихъ порядокъ есть тотъ самый, который и долженъ быть, и что потому они должны истязаніями и убійствами поддерживать его.

Увѣренность эта основывается на сознательномъ обманѣ, совершаемомъ надъ ними высшими сословіями.

Оно и не можетъ быть иначе. Для того, чтобы заставить низшіе, самые многочисленныя классы людей угнетать и мучать самихъ себя, совершая при этомъ поступки, противныя своей совѣсти, необходимо было обмануть эти низшіе, самые многочисленные классы. Такъ оно и сдѣлано.

На дняхъ я опять видѣлъ открытое совершеніе этого безстыднаго обмана, и опять удивлялся на то, какъ безпрепятственно и нагло совершается онъ.

Въ началѣ ноября, проѣзжая по Тулѣ, я увидалъ опять у воротъ дома Земской Управы знакомую мнѣ густую толпу народа, изъ которой слышались вмѣстѣ пьяные голоса и жалостный вой матерей и женъ. Это были рекрутскій наборъ.

Какъ и всегда, я не могъ проѣхать мимо этого зрѣлища; оно притягиваетъ меня къ себѣ какими то злыми чарами. Я опять вошелъ въ толпу, стоялъ, смотрѣлъ, разспрашивалъ и удивлялся на ту безпрепятственность, съ которою совершается это ужаснѣйшее преступленіе среди бѣла дня и большаго города.

Какъ и всѣ прежніе года, во всѣхъ селахъ и деревняхъ 100-милліонной Россіи къ 1-му ноября старосты отобрали по спискамъ назначенныхъ ребятъ, часто своихъ сыновей и повезли ихъ въ городъ.

Дорогой шло безудержное пьянство, въ которомъ старшіе не мѣшали рекрутамъ, чувствуя, что идти на такое безумное дѣло, на которое они шли, бросая женъ, матерей, отрекаясь отъ всего святаго только для того, чтобы сдѣлаться чьими то безмысленными орудіями убійства, слишкомъ мучительно, если не одурманить себя виномъ.

И вотъ они ѣхали, пьянствовали, ругались, пѣли, дрались, уродовали себя. Ночь они провели на постояльяхъ дворахъ. Утромъ опять опохмѣлились и собрались у Земской Управы.

Одна часть ихъ въ новыхъ полушубкахъ, въ визанныхъ шарфахъ на шеяхъ, съ влажными пьяными глазами или съ дикими подбадривающими себя криками, или тихие и унылые толкуются около воротъ между заплаканными матерями и женами, дожидаясь очереди (я засталъ тотъ день, въ который шелъ самый приемъ, т. е. осмотръ назначенныхъ въ ставку); другая часть въ это время толпится въ прихожей присутствія.

Въ присутствіи же идетъ спѣшная работа. Отворяется дверь и сторожъ вызываетъ Петра Сидорова. Петръ Сидоровъ вздрагиваетъ, крестится и входитъ въ маленькую комнату съ стеклянною дверью. Въ этой комнаткѣ раздѣваются призываемые. Только что принятый и вышедшій голымъ изъ присутствія рекрутъ, товарищъ Петра Сидорова, съ дрожащей челюстью торопливо одѣвается. Петръ Сидоровъ уже слышалъ и по лицу видитъ, что тотъ принять. Петръ Сидоровъ хочетъ спросить, но его торопятъ и велеть скорѣе раздѣваться. Онъ скидываетъ полушубокъ, нога объ ногу сапоги, снимаетъ жилетъ, перетягиваетъ черезъ голову рубаху и съ выступающими ребрами голый, дрожа тѣломъ и издавая запахъ вина, габаку и пота, босыми ногами входитъ въ присутствіе, не зная, куда дѣтъ обнаженные жилетныя руки.

Въ присутствіи виситъ прямо на виду въ большой золотой рамѣ портретъ государя въ мундирѣ съ лентой и въ углу маленькой портретъ Христа въ рубахѣ и терновомъ вѣнкѣ. По серединѣ комнаты стоитъ покрытый зеленымъ сукномъ столъ, на которомъ разложены бумаги, и стоитъ треугольная штучка съ орломъ, называемая зеркало. Вокругъ стола сидятъ съ увѣреннымъ, спокойнымъ видомъ начальники. Одинъ куритъ, другой перелстываетъ бумаги. Какъ только Сидоровъ вошелъ, къ нему подходитъ сторожъ, и его ставятъ подъ мѣрку, толкаютъ подъ подбородокъ, поправляютъ его ноги. Подходитъ одинъ съ папирской — это докторъ и, не глядя въ лицо рекрута, а куда то мимо, гадливо дотрогивается до его тѣла и мѣряетъ, щупаетъ и велитъ сторожу развѣвать ему ротъ; велитъ дышать, что то говорить. Кто то что то записываетъ. Наконецъ, ни разу не взглянувъ ему въ глаза, докторъ говоритъ: «Годець! Слѣдующаго!» и съ усталымъ видомъ садится опять къ столу. Опять солдаты толкаютъ малаго, торопятъ его. Онъ кое какъ, поспѣшая, натягиваетъ рубаху, не попадая въ рукава, кое какъ завертываетъ штаны, горлянки, надѣваетъ сапоги, ищетъ шарфъ, шапку,